

Лили являлась самой незаменимой женщиной в этом доме. В частности, почти каждый в этой комнате был незаменим.

Ну, кроме, наверное, главного рассадника детей. Заделал малыша служанке, Пол. Я бы пришёл в шок, скажи он, что и знать не знает, о чем речь и ребенок точно не его. Ведь получалось тогда, Лили приводила в дом или сама ходила к мужику на стороне и даже не познакомила нас с ним.

Все же дело не ушло дальше обеденного стола. Будь сейчас не зима, а к примеру лето, и скажи она это сначала Полу, думаю, он успел бы подготовить свое лицо к получению леща. На то, что отчим решил бы скрывать правду я и не надеюсь. Живот Лили начал бы надуваться как воздушный шарик. Скрыть такое, значит выйти в уровне маскировки на святой уровень.

Так к чему я вел... Ах, вот, не будь озвучена новость зимой, не только Лили полетела бы к чертям за куличики, но и вся деревня начала бы полниться слухами о неверном муженьке. Пол собирался подорвать авторитет не только свой, но и своих сыновей. Неприемлемо. Я не могу управлять Полом как марионеткой на ниточках, или машинкой на радиоуправлении. С другой стороны, он и так пляшет под дудку собственной похоти. Единственное за что хвалить в такой ситуации можно, так это то, что оба поступили здраво. Пол взял ответственность, а Лили горькими словами призналась на ранних стадиях. Может это такая честь мечников? Они вроде учились вместе, Лили как-то рассказывала.

Прямо на моих глазах, горел, а вернее догорал камин, оставляя после себя теплые угольки, на которые в холодную ночь впору хочется прилечь. За столом сидели обе дамы в положении. Пол как такового слова не имел. Его ценность в глазах Зенит упала ниже нуля. Сейчас он для неё всего лишь подлый обманщик и кобель, который не может держать себя в руках. Не так и далеко она была от правды.

Молчание давно прошло все лимиты, и давно затянулось, привнося с каждой секундой только больше беспокойства за Зенит. Лишь слепой не увидел бы, сколь активно она мыслила.

— Как ты собираешься действовать дальше? — тихо спросила Зенит сверля служанку глазами из-под бровей.

— Я считаю, верно будет помочь вам с родами, а после, уеду домой, — хм, Лили ответила сдержанно. Она упоминала, как высылает часть зарплаты в дом, возможно за столько лет, денег уже достаточно, дабы прожить годик или два без работы.

— А что насчёт ребёнка? — и вновь длинную паузу разорвала Зенит. Любила она это дело, только когда говорила, словно молотом по металлу. Подозреваю, все дело в той гробовой глади.

— Я планирую вырастить его в своём родном городе, после того как рожу в Фиттоа.

— Твой дом на юге, так?

— Да.

— Ты будешь вымотана после родов и вряд ли сможешь выдержать длинное путешествие, правильно?

— ...Возможно, но мне больше некуда пойти.

На краткость служанки было страшно смотреть. Вся съёжилась, вжала голову в шею, подобно

черепашке, а по тону, была больше подобна ребенку, что так расстроил родителей. Зенит не являлась ей матерью, впрочем, отношения между ними можно описать как дружеские. Они длительное время вели хозяйство плечом к плечу, тут кто хочешь начнет сближаться строя дружеские отношения.

Однако ж, Лили больше помогала Полу, справляться по делам деревни. К нему приходили не только за защитой, но и за другими вопросами. Иногда и просто как рабочего мужика, просили что-то перенести помочь.

Моя помощь в таких случаях намного более существенна. Тот же колодец вырыть, как раз плюнуть.

Что ж, ситуация кажется крайне тяжелой. Лили не факт, что протянет на пути домой, в снег с новорожденным ребенком. Зенит все понимает, и потому не решалась. Видимо злости недостаточно, чтобы своими решениями убивать человека. А оставлять её здесь являлось равносильным, признанию как члена семьи. Ей религия и воспитание не позволяет терпеть чужих женщин вокруг Пола. Он только её, а другим запрещено. В общем, как и в любой нормальной паре. Фактически, это та самая сценка измены, когда жена застукала мужа с любовницей. Только любовница залетела, а за пределами дома её ждёт к примеру Техноапокалипсис.

Сейчас, Зенит проявила немалую силу воли дабы эгоистично не впасть в истерику и не завопить: «Убирайся из моего дома!» Сказалась пощёчина, которую отвесила отчиму. Он кстати, сидит в стороне, унылый, ждёт приговора.

Сомнения тем временем, начали борьбу. Мачеха кусала ногти до болезненного стоны, и продолжала думать.

— Эй Рудэус, — тихо воззвал я к брату. Он, как и я, погрузился в думы. — что делать будем?

— Я не хочу смерти Лили.

— Никто не хочет убивать Лили, но решить то надо.

Рудэус кивнул, соглашаясь.

Эх, будь у нас в семье демократия, тогда не пришлось бы так тужиться. Простое голосование решило бы все вопросы. Наши с братом голоса в купе с Полом, подавят чувства Зенит, а Лили осталась бы у нас. Ну, так подавлять недовольство чревато революциями. С другой стороны, пока малыш на таком этапе, я могу его убить. Сделать аборт. Это легко и просто. Можно повышать температуру тела Лили, одновременно держа в спокойствии её голову. Таким образом, я могу не просто избавиться от незащитного зародыша, но и лечить вирусные угрозы, в теории даже паразитов убивать. С хворью не проверял, но возможность есть. Продержать её температуру тела в пределах сорока пяти градусов, убив тем самым и эмбрион и подозреваю, иммунитет и микрофлору... в общем, метод для самых отчаянных.

Минута длилась за минутой. Скажу честно, этот день уже вызывает мигрень, а ведь он только начинался. Потому, дабы закончить все побыстрее я обратился к Рудэусу.

— Давай так, я за Лили, ты?

— Аналогично.

— Тогда пошли, будем переубеждать.

Наш диалог прошёл, спокойнее, не считая «Ахов» и «Охов», со стороны Пола и Лили. Рудэус, чертов актёр, даже успел сварганить мини-историю о том, как видел, что отчим заставлял Лили «это» делать. Мол у бедной служанки не было выбора, и все. На этом, получилось сместить восприятие на другого. Праведный гнев, копившийся с самого утра, был направлен на Пола. Что ж, удачи ему. Он нам советы по отношениям давал. Если не врал, значит переживёт и даже в плюсе останется.

А в плюсе и остался. Не с первого дня конечно, но Зенит простила кобеля, который пообещал больше так не делать и вообще, теперь он только её и больше никого. Лили могла выдохнуть с лёгким сердцем, и больше не беспокоится о месте жительства да поездках.

Если кто не знал, Зенит, как вещала после решения на крыльце, где были лишь я с Рудэусом, готовилась к такому и знала. Знала что такой момент может настать, потому в её системе ценностей, не все было виной Пола. Две трети вины легло на Пола, но вот одна треть, мачеха отчего то взяла на себя. Решила, мол, если знала о гуляющем характере Пола, то могла и предвидеть его поведение, или что-то в это духе. Забавные люди живут в это дикое время. Говорила, говорила, поплакала немного, но как выговорилась и поспала, на следующий день выглядела уже более-менее сносно. Мне кажется что Зенит, что Пол себя накручивают, нет полностью и целиком правых в такой щепетливой ситуации, а полную картину случившегося я никогда не узнаю.

— И сколько юный господин ещё собирается меня обследовать?

— Недолго, я пытаюсь просканировать твою рану.

— И все же, это немного...

— Смущает? Отцу ты так же говорила?

— Оставьте свои шуточки при себе.

— А лицо, все ровное, бесстрастное.

Мой диалог с Лили мог показаться вам странным, но уже добрые три месяца как я подобным образом с ней общаюсь. С момента её принятия в семью как «Нового члена команды», отношения между мной и служанкой только потеплели. До такой степени она стала податливой, и позволила проверить на ней мою новую альтернативу. Как было понятно из начала. Исцеление — область магии намного более глубокая, чем грубые и масштабные заклинания стихий, которые так нравятся брату. словно огромные да неуклюжие мазки по картине, они перехватывают все внимание мага, а ведь дьявол кроется в деталях.

Ускорение естественной регенерации, лишь первый из эффектов, которого можно добиться. Важным элементом является именно изменения регенерации у других людей. Даже если телу не хватает материала для регенерации, все остальное покрывает мана, вторя универсальным стволовым клеткам.

— Что ж... — закончив со служанкой, я отстранился на три шага. Лили поправила платье,

приняла удобное положение сидя и стряхнула невидимый слой пыли. У неё уже хорошо приглядывался живот.

— Как моя травма? — бесстрастным голосом спросила она. Её очки блеснули, а аметистовые глаза за очками остались равнодушными. Сколько прошло времени, сколько лет минуло с того дня, как я дал обещание... а меня ни на грамм, не воспринимают всерьёз. Это начинает бесить. Ожидания Лили опустились слишком низко. Её можно понять, без надежды, не будет и печали.

«Пускай считает, что делает праведное дело», я пытался угадать, о чем думала женщина.

— Чудесно, — изобразив улыбку на лице, мне должно было продолжить незамысловатый диалог, попутно обдумывая то, что ощутил. — никаких ухудшений тебе не светит.

«Яд давно покинул область раны. Местные целители давно её излечили, но вот эта её хромота при ходьбе... Видимо лечил новичок, или яд устроен таким образом, чтобы его нельзя было излечить обычным способом», ответ на то, как её излечить уже был в голове, только вот... метод неприменим.

— Рада это слышать, — Лили кивнула. — юный господин, каков ваш уровень в магии исцеления? Вы ведь отправлялись в больницу вместе с матерью...

— Да, припоминаю... Работы там на пару минут, потому и Зенит долго не задерживается в лазарете, а что до моего ранга... — отведя глаза к окну, я всмотрелся в темное небо.

Мой ранг... Выше среднего, где-то продвинутый? Да, новую конечность мне не отрастить, так что только продвинутый и остаётся. Но и здесь не все так однозначно. Мои возможности и теоретические выкладки намного превосходят этот мир. Однако они обрывочны, а моя работа заключалась в том, чтобы дополнить их тестами, пробами, экспериментами. Зверушки быстро умирают, я ещё не научился должным образом отрашивать им лапы. Отключать конкретный ген, изображая из себя Криспер Кас, не самое простое занятие на свете.

В теории... Как много надежд на будущее! Мне нужно настоящее!

Все мои раздумья, меня сопровождали глаза Лили. Кажется, ей о чем-то хотелось спросить, но она все никак не решится.

— Мой ранг, чуть выше учителя Рокси и матери.

— Вот как, вы делаете большие успехи, как и ожидалось, — последняя часть фразы была сказана тише.

— Завидуешь? — я не мог не ухмыльнуться.

— Никак нет. Хм, все совсем наоборот, юный господин, я очень вам благодарна. За вашу благосклонность, я готова отдать даже свое дитя.

— Странные вещи ты твердишь. Твое дело, что захочешь, то и делай. Я же, вылечу тебя, срок два месяца. Я позволю тебе вновь бегать, иначе не носить мне фамилию Грейрат.

— Какие... громкие слова, — впервые за наш диалог, Лили удивилась. — вам не нужно вот так истязать себя из-за одной меня.

— А это уже мое дело. Кто сказал, что все ради тебя? Я делаю все ради собственной выгоды.

Служанка притихла, а я забрал полотенце, на котором стоял на коленях и ушёл, оставляя Лили один на один с собой. Слишком много чести для неё одной.

— Юный господин, вы такой врунишка.

Пусть думает, что хочет. Правда уже была озвучена.

На входе из комнаты меня ждала, как ни странно, Зенит. Мне казалось она будет последней, кого волнует состояние Лили. Пол или Рудэус намного более подходящие кандидаты на роль подглядывателя.

— Мам, тебя беспокоит Лили? — без утайки спросил я, вложив в глаза побольше доброты. Для родителей, их дети будут милыми, особенно для матери, потому обладать каким-то потрясающим мастерством не нужно.

Мачеха, словно потеряла интерес, прошла поближе, к столу, за которым горела одинокая свеча, та содрогалась при каждом пройденном шажке. Прислонившись к столу, ей ничего не осталось кроме как ответить:

— От тебя ничего не скрыть, — мило улыбнувшись, меня притянули к себе обнимая и тиская. В такие моменты, гордость отключается, а глаза закрываются. Нечего мне видеть такое смущающее действие. — и что ты выяснил, мой маленький Милис? Я знаешь ли, тоже считаю Лили своей пациенткой, это и моя ответственность тоже.

За такое святотатство тебя, милочка, давно бы изгнали как еретичку или грешницу. И да, я слышал такое. Зенит пыталась вылечить свою служанку, как только услышала о травме. Конечно, закончилось это ничем. Только отторжение любой помощи. Видимо Лилию уже уморили лица всех целителей, которые оказались не в состоянии ей помочь.

— С ней все в порядке. От раны лишь маленький шрам и остался, — я вздохнул, отстраняясь от грудей, в которые меня лицом тыкали.

— Но ты что-то понял?

— В некотором смысле... Я считаю, её уже излечили, просто неправильно.

— Неправильно? Как это?

— Не знаю...

На самом деле знаю, но слышать от меня о нервных окончаниях, электрических импульсах и прочую терминологию, она не захочет. А в тридцатый раз прикрываться "некими ночными уроками" от Рокси я считаю постыдным действием.

Как по мне, дело обстояло в яде, который изменил положение мускул, нервных окончаний и подобного. То есть, с раной справится любая магия, даже начальная, но ни одна из них не выправит то, что уже сделали. Это как приживить руку человеку, однако сгибаться она будет в обратную сторону. Здесь масштаб другой, много меньше, а оттого не так заметен. Она просто не может нормально бегать, это не столь большая травма.

Единственный способ, который я нашел, больше подобит кровавому ритуалу. Оторвать дефектный кусок тела служанки, а после все восстановить. Удивительная по своим свойствам дурость, но мне придется таким заняться. Мне больше всего не нравится ощущать себя в

должниках!

— Вот как. Ну, как-нибудь мы точно справимся, — с её жизнеутверждающим тоном нельзя спорить.

— Жду не дождусь новых членов семьи, — глупо это говорить, особенно перед Зенит. Знаю, как неприятно ей слышать такое.

— Как считаешь, мы подружмся с малюткой Лили?

Эй, мачеха, что за вопросы? Твой малолетний сын не должен забивать себе голову на этот счёт...

Впрочем... Хах.

— Со мной же ты подружилась.

— Ну, скажешь тоже, ты же мой родной сынуля, хи-хи, — мои светлые волосы взъерошили, а лицо притянули к своему. Фактически касаясь её носа, своим, мы неотрывно смотрели друг на друга. — как и твоего брата, сейчас для меня нет никого роднее и любимее, запомни, мама всегда будет тебя любить.

«Всегда?»

— А как же отец?

— Отца я вашего люблю, но по-своему, поэтому не смотрите на то, как мы ругаемся, это все мелочи, — я отлично слышал, как вы мирились, вот это точно не мелочи.

Зенит привстала с колен и притулилась плечом к деревянной стене, бросая взгляд в окно. Недолго думая, она отпрянула от стены и открыв дверь, пустила в дом мороз. Меня коротко спросили: «Пойдешь?» На что я только и сумел кивнуть.

Выйдя на крыльцо, нас застал темный, холодный небосвод. Не такой уж темный и таинственный, если описывать реальность. Он полнился россыпью звёзд, где куда бы не был направлен взор, везде что-то будет.

Изо рта вырвался теплый пар, а меня взяли за руку. Ладонь Зенит оказалась очень теплой.

— Когда мне надо подумать, я выхожу сюда, и могу долго-долго считать звёзды. Не важно какая погода, даже если облака закрывают небо, я считаю звёзды, ведь знаю, они там есть.

Давно ко мне так не приставали с разговором по душе. Все же, шестилетнего мальчика такие как Зенит воспринимают не более чем плюшевую игрушку.

— Лилия — моя дорогая подруга, и я не желаю ей бед или несчастий. Но её ребенок будет от моего любимого человека...

Мою ладонь перехватили крепче.

— Я дико зла на Пола за такую трусость, но и сама...

Она колеблется. Как относиться к чужому ребенку, плоду любви Пола и Лили? Кажется, он будет служить вечным напоминанием о измене. Ха, будь у Лили ребенок от любого другого

оболтуса с деревни или города, даже если бы тот её изнасиловал, дело было бы другим, а Зенит приняла бы дитя.

«Не твой ребенок... мне знакомо это как никому другому». Ведь я тот, кто находится по ту сторону предложения. Что я должен ощущать, понимая какое занял место? Как все пять лет живу, прикрываясь ребенком, словно паразит, наживаюсь на чужом счастье.

То ли погода так удар ла в голову, то ли прохладный ветерок нашептал мне гнетущие мысль прямоком под глаза, однако мой разум поддался им. Тем самым, плохим, недобрым, скрытым мыслям за ответ на который я хотел бы отдать все.

Разъедающее чувство пустоты и несправедливости которое я чувствую... Чем я должен его заполнить? Как я должен ответить, чем отплатить за жизнь?! За свою жизнь! Она ведь бесценна.

Моя маленькая ладонь ухватилась за грудь. Сжала её так, что все костяшки давно побелели, а ногти на пальцах впились в кожу до крови.

Меж тем, мачеха продолжила. Новые слова, были более приглушены. Буквы в этих самых словах спотыкались друг о друга. Она хотела, чтобы я считал её дрожащий голос следствием мороза, когда сама была на грани фолы. Я не видел лица, но прекрасно слышал голос и по нему, чудесно ощущал, как подступает коварный, слизкий ком в горле. Почему-то он подступал и к моему.

— Нил, я хочу сказать... — Зенит вновь запнулась. — хочу сказать, чтобы ты не думал о нем, как о чужом ребенке. Заботься о малыше как о родном, и тогда мы будем счастливы. Я буду счастлива. Возможно ты можешь сейчас меня не понять, но...

Ха... Кажется не столько меня собирались убеждать, сколько себя. Не удивительно. Кажется, мое сердце начало успокаиваться, а сам я нашёл свой ответ. Зенит так старается принять чужое, но даже не подозревает кого пригрела под крылом. Это не обсуждается никем и нигде, но я забрал так много. Все радости, всю неуклюжесть, все новые свержения, стремления и цели, любовь и заботу. Я столько забрал лишь, явившись в этот мир. Прости Нилрем — мальчик из этого мира, который никогда не родился.

На свой вопрос: «как лучше отплатить за жизнь?» Я нашёл свой долгожданный ответ.

Одной темной ночью, на крыльце дома, сотканного из темного дерева, стояли двое взрослых. Опечаленный и тот, кто его успокаивал. Тот, кто плачет и тот, кто плаксу гладит по голове. Они держали друг друга в объятиях, так крепко, что ни одна сила в мире не позволит себе их потревожить. За приоткрытыми дверьми стоял отец, он грустно улыбался, не в силах даже подойти или ступить прочь.

Для подкинутого Кукушкой, плач был его матери, а для матери, плакал её сын. От нерадивости их тянуло вниз, но сегодня все решилось. Как Зенит, решившая принять чужое дитя Лили, так и Нилрем, решил принять родителей. Как долг, нет — благодарность. Бушующие в его сердце противоречия распадались, наконец обламывая оковы. Все звенья цепей затрещали, а их треск выплёскивался вместе со слезами. Слова «забрал», «отнял», «оборвал», никогда больше не покинут душу маленького Нилрема. Их всех дополнит «отплачу». Дабы унять звенящий в сердце вопрос. Что делать? Он решил дать то, чего так хочет мать.

Он даст ей сына. Её маленького Нила.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/2739594>